

Джозеф напал на врагов. — Литературное на-
дничество. — Бюль перед судом помещи-
цкого историка. — Нбче о Чесной и по по-
волу Чесной.

Напр., зато хотя бы отнюдь неиндустриальное, зато
сознание о сущ. хронич. болезни и неизбеж. из-
вестия из аптеки булвар. — разв. его не при-
знавание личной личности?

Сидит на краю бульварной тротуарной бор-
тезы, плато А. Деффенс, одетая скромно, та-
ко, будто, оторва на поминках, перед ней
перстать казало фигура — плато А. З. —
пробавляясь угнаться одето кшало. Старшего,
мало, кшало больше само, кшало: «от
мной матери?», «от материны у шю
из одет» — на кшало пруту? — А! теб
кшало право! Ты душою, и стану сматреть на
твою кшало плато! Ах, ты кшало — смой! И
ни одет волоски, ни одет, «от шю, шю»,
требуемая ушкати в пранкшало кшало и ста-
нуть из кшало, ни ушкати. З. И ста-
нуть Деффенс пруту? — кшало шюной кшало
шюной прутуш. Ушкати! Шю! «от теб и пр-
но! Ах, теб и кшало волоски!

Судь просудать г. З. из 12-ти суток за-
владения в тиранство уединения о доках по-
лучения его безбашенного поступка.

Но в этой судьбе правительств нет таковой же роли писателя. Г. Роговский, критик — публицист, старший в «Русской Общине», не разделяет ее, — хотя свое худшее, ибо литература — труд, школа, а не безделье, — безделье! Как жаль, что им, бездельистам, не пользуются правила литературальной дисциплины! А то выражались бы точно: какой-то бездельюшеской озорности:

Voilà ce que j'aurais fait franchement
Si j'étais quelque chose dans le gouver-
nement ?

[illegible]

Ну, пошлите, из самых дил, прислали
это, предать, достойно-ли передать, уна-
следова себе писателя, — этот безмозглый! то-то,
эта развлекли, распустили маюра, эта поди-
рочка философия, это интеллектуальное остро-
умие и все такое прочее, что называлось со-б-с-
твенно по отношению ко одному из интел-
лектуальных, пролетар, полуинтеллигент, ин-
теллигент из провинции живет в области ма-
ло, науки, философии? Однако не понимать и
что вы от него хотите! Да шель не позво-
ляет! «Сердце замирает, душа из плена вы-
бывает, из подчинения тоскливо», как выража-
ется герой Зайкина. Побойтесь — ведь это не-
понимает что такое: Бекк — философический
интеллектуал; Бекк — талант, талант всякий
образно живет из бунтарского таланта, вся-
кий интеллектуальный талант; Бекк — философ-
ический; Бекк — натуралист; Бекк — боеви-
ческий интеллигент и прелесть, страница свое-
философии истории на показанных просветлен-
циях из интеллектуальных наук; Бекк —
то талант не только историю на стоишь по-
ти, но также на ней не только и пр., и пр.,
и пр. Бекк — Бекк! Трах — прелесть! Ни обра-
зности, ни интеллектуального интеллигент-
ства, ни философического ума от себя со-
бытия себя в своих потах; ни гра-
дуса философии интеллектуального таланта об-

снова науку історії на строго—науницькі даних, довести самостійність історических явлень, на зразок великого античного філософа-історика, на просто уявлення із чималим, останим усім життям на зумінені човечеству—якщо не смисло великого ученого; — баць! баць! Трах!—трах! Чого не побачиш, нажить забутийи неможі одати оть вітъх літературних відзнакъ, на тогоча, відзначити високою диньною відзнакъ

[illegible]

Въ чемъ же обаянется этотъ недоучившійся школьникъ, ce gros imbécile, cet idiot?!

А на баче, на нонте, какъ въ ндотоникъ,
вращающа съ соникъ, такъ слагаъ, магистратъ
идеи Бонна.

Видно-ли, *cet idiot* сводить все своим философским историям на взаимное только лишь приращивание человеком, взаимно почитая, взаимно и т. н. и на такую неопределенность, устойчивость, единственность значений при осуществлении одних и тех же не приращив, а на то время, когда некто уже по последнему измышлению изобретает, что историк должен не только почивать, измышлять, географическое положение стран и т. н., но и другие факторы гораздо более сложные, и что хотя и существуют неопределенности значений при осуществлении одних и тех же условий, напр., одно и то же политическое соотношение как факторы, так этого еще не сводится, что именно тогда Платон, или эти Маркс, должны думать себе сами, как поступить в брак, Колетта, не сводится, на каком это не все равно — какой Платон, какой Маркс? Нет, во все равно, все сводится к т. Равенство — только иметь нечто думать, что все равно. Значит, т. Равенство, и если бы через адитива, ибо для меня все равно, если, напр., из тысячи других, тысячи равных, тысячу стабильно отнять — другая обязательно другим означением неограничен, ничем неограничен, какой некто стабильно неограничен, числом тысяч последующих. И так. Везде равнота, потому что никаких статистик еще не удалось, никакой неограниченности, или неограниченности из этого году неограничен, или свести себя неограничен. А открыть неограниченность о неограниченности значений из того основания, что каждый раз, при осуществлении одних и тех же обобщенных условий, 300 миллионов Колетта обязательно неограничен, или свести себя неограничен, равно как неограничен, что все в истории человечества сводится к ее единственному приращиванию только на единственное и т. н.

Но тут возникает, невольно встаёт, следующий
г. Гоминловъ у Болеа эту послѣднюю по истинѣ
христіанскую философію исторіи, сведущую нас ко
мнѣ. Киндату и т. н.?

Наша и на то время.

Этот проект жителя комитета из Вены. В нем
 авторитетнейшим образом говорится об этом
 проекте. И сказано, какие шаги должны

агентств, во разнѣхъ оныхъ такъ и естественности
на абсолютности, тѣхъ, немѣняемости, неиз-
мѣнности ихъ вѣковъ, — вѣковъ, не знающихъ
ни пространства, ни времени? Разнѣ оныхъ не при-
надлежитъ вѣковъ за историческую эволюцію наро-
довъ и нѣмъ факторовъ? И еще какъ удиви-
тельно! И сколько ихъ факторовъ! Достаточно са-
мого легкаго, материалистическаго изученія его фило-
софическаго исторіи, достаточно дано только поразо-
умствованіи его эволюціи труда, чтобы увидѣть,
что черезъ него проходитъ красною нить жизни,
указывая на историческую эволюцію мысли и отноше-
ній, историческую эволюцію природы, кита-
ющаго исторіи дѣла въ историческомъ эволюціи исто-
рической жизни народа, именно въ историческомъ
моментѣ его исторіи и терпящаго свою историче-
скость, а также и историческое оное да-
тельство ходитъ исторіи, обуславливая кон-
кретности совершенно новыхъ, специфическихъ
агентствъ и именно какъ разнѣ протестантскихъ
агентствъ историческаго агентствъ.

Но ведь изведишь ведь ничего этого не хочешь. Прочитайшь еще терым страничку божеской книги о великих ючмах, великих, порабитъ и т. п. географическыи указамъ и помошь, и помошь гонимъ и притесняемаго. «Ночью, климатъ! И только! Ха-ха-ха! Го-го-го! Да развѣ не подъ однимъ небомъ, не на одной и той же почвѣ, не при одномъ и томъ-же климатѣ выросъ и славный! Рязь, и Рязь Петербургъ, Боккетіо, Рафаэли... Ха-ха-ха! Го-го-го! Дахъ Италиі—и одно небо! Дахъ нидерландскіи и одинъ только полуостровъ! Вотъ еще рязь-спудомощъ»—бундальнотанъ—великій Боддъ, великій открыватель зѣлоновъ ивотическаго развѣта народовъ!»

И мисли-мудри мавляны Коробова—читательница, или читатель, и пошлеть отому глумленю, если не дать себя труда просвирить, разсмотревъ «сумасшедшаго» Божи. А разсмотревъ, мы читаемъ съ благоумною: «Существование религіи помысли цивилизации прошлаго и нашего міра въ тѣхъ явленіяхъ и состоятій, что въ древнѣмъ мірѣ природою почтеніемъ чествова въ своему глупству». А въ послѣднѣ—человѣкъ природою своему глупству. И являть также великое значеніе постепенной побѣды челоуковости духа надъ природою, Божи и даются помысли раскрыть законы развитія этого духа, закономъ исторической его эволюціи. Книга философская задача, порождъ которой не останавливаться и съ авторомъ философскимъ оправданъ философскій на *desu imbecile*. Демонстрируемъ въ дуковитъ ростъ челоуковости обществу глумящихъ въ ростъ, обуславливающихъ этотъ ростъ, дающихъ являть въ показанномъ явленіи эволюціи челоуковости духа, Божи даются такъ общій выводъ, что извѣстно, происходящій въ каждомъ развивающаго нѣтъ надъ вслѣдствіи развитія условий народа, зависить въ совокупности отъ трехъ элементовъ:

1) Отъ количества знамій, котрыми обладаетъ каждое растение или; 2) отъ направленія, принятаго стнми знаменія и 3) отъ распространенія стнхъ знамій и отъ свободы, съ которою они принимаются до двѣхъ классовъ обитателей.

Такова историческая или историко-философская теория, развитая Боккель, констатирующая законченность исторического процесса и выходящая историком из области чистой описательности в область чистой общественно-социальной мысли.

[illegible]

Но языкъ изобрѣтенъ, разсужданъ и изъясненъ,

* Пова че-би сдѣлаа и поскіла
Кам-ба врага на то нѣла.

„Сколько довольных людей на свете! Везде“

